

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ

СЕРГЕЙ ВОЛКОВ,
УЧИТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ,
СРЕДНЯЯ ШКОЛА № 57,
Г. МОСКВА

«НА ГРАНИ ФОЛА»

Читаю на уроке выдержки из сочинения, которое храню двадцать лет. В нём образно и методично разносится Штольц как одухотворённая машина по упорядочению хаоса. Часовой механизм, отмеряющий секунды и минуты, но не подозревающий о вечности.

Девочка-десятиклассница сверлит меня пронзительным взглядом. Просто так расстреливает. Один глаз закрыт чёлкой, зато другой превратился в пулёмёт. Девочка очень любит Штольца и с трудом переносит сейчас моё чтение. Она кривит губы и периодически шумно вздыхает.

Когда я закончил читать, она немедленно (как бы кто не опередил!) заявляет следующее весьма сварливым голосом:

– Вы, конечно, почувствовали, что я уже испепелила и этот ваш мерзкий листочек в руках, и вас заодно? И даже догадались, почему?

И руками этак горку пепла изображает, в которую превратился я вместе с автором сочинения и самим листочком.

Я (с очаровательной улыбкой и ни секунды не медля – и то и другое очень важно):

– Конечно, Анечка, догадался. И почувствовал, что наконец-то согрелся под твоим взглядом. Спасибо тебе огромное. Что бы я без тебя делал!

В классе открыто окно и довольно прохладно: я люблю свежий воздух и мучаю им детей, среди которых есть партия мерзлявых, ведущих со мной затяжную борьбу. Так что мои дуэльные выстрелы, тоже на манер пулёмётных, в разные стороны направлены. Не только в сторону Анечки.

Главное дело – сразу после этого, не меняя интонации, продолжать разговор о литературе... А испепеляющий взгляд – разве он может испепелить такого титана мысли, как учитель литературы?

Таких «перестрелок» на уроке бывает много. И на мой вкус, дети в школу за ними и ходят. Или так: в том числе за ними.

Ну вот перейдут они на дистанционное обучение по современным технологиям –

и от кого они услышат такое:

– Гончаров написал «Сон Обломова» в... Кирилл! Я сейчас кого-то покусую! ... в 1849 году. Сам же роман был закончен десять лет спустя...

Или вот такое:

– Как звали отца капитанской дочки? Раз дочка – значит, есть и папаша? И как же его звали? Молчим? Тааааак, и эти люди будут меня уверять, что читали Пушкина? Савва, ты знаешь, что сейчас печатными буквами написано в твоих глазах? Хошь, прочту? Только не двигайся. Там написано... написано... где мои очки?.. написано... «Какая ерунда! Кому надо знать имя этого дурацкого отца!» Вот что написано в твоих глазах, Савва! И похоже, твои однокласснички такого же мнения... Поэтому... поэтому... по просьбе трудящихся, мы проведём в понедельник проверочную работу на знание имён... Надпись в глазах Саввы сменилась, теперь там крупно написано: ДА! Савва, спасибо за поддержку!

Перечитываю и начинаю сам чесать в башке. Как-то всё

это на грани фола, нетехнологично и непедagogично, как со стороны взглянешь. Изнутри процесса как-то органично, кажется, а присмотришь – оё-ёй!

А ещё я вчера на уроке стоял на стуле и рассказывал оттуда с этой высоты о своем гениальном кино-литературоведческом открытии. Даже не заметил, как на стул забрал-

ся. Вот смешно-то, наверно, кто через стекло в двери бы увидел!

Я всё это ещё зачем пишу? Когда нас всех упразднят и заменят Штольцами – чтоб люди знали, чего было на свете.

О ЛЮБВИ

Дети всё-таки знают о жизни что-то такое... Особо мальчики...

Обсуждаем Базарова и отвергшую его Одинцову. Один мальчик (с невероятной уверенностью знатока):

– Я её не понимаю. Ну у неё ж уже один брак был. А после первого – второй ведь неважно с кем.

Я (недоумённо):

– Почему это?

Он (так же недоумённо, типа: чего тут неясного, это ж факт):

– А после первого какая разница, кто второй? Всё ж уже понятно и известно.

Поговорили...

Тем временем ещё один знаток женской психологии свою мысль сформулировал:

– Девушки – они так устроены, что им надо за кем-то быть обязательно! Трудно им одним.

Тут девушки упёрли руки в боки:

– Это почему это нам обязательно надо? И сами проживём!

Поднялась дискуссия...

А в окно – солнце шпарит, под карнизом мартовские сосульки плавятся. И вся природа глядит на нас через жалюзи и улыбается.

Дальше – больше. Через урок спор о любви продолжился. Один мальчик произнёс страстный монолог о том, что любовь открывает человека миру, создаёт канал, по которому самое сокровенное из самого нутра идёт к другому человеку (поклонники Фрейда, молчите, вы так невинны, что...) И если любовь несчастна, то вместо канала – открытая рана, в самое нутро. Другой мальчик с ним заспорил. Первый готов был его убить за его

ироническую улыбку, не шедшую к смыслу слов.

Я примиряюще заметил, что они оба в красных кофтах и очень похожи друг на друга, типа хватит ругаться. Тем более и сидят рядом. Тогда первый кофту стянул и остался в чёрном. Тогда второй что-то немедленно откуда-то достал и натянул и тоже стал чёрным.

Я примиряюще заметил, что можно вообще носить с собой одежду разных цветов и по ходу выступления ораторов надевать в случае согласия его цвет...

Цирк шапито у нас, короче говоря. Не понимаю только, как при этом нам удаётся говорить о важном. Например, сегодня – о жизни, ничтожной перед вечностью, и о жизни бесконечной...

